Отрицательная экзистенциальная конструкция с *āčīn* в эвенкийском языке: внутренняя синтаксическая структура

Рудницкая Елена Леонидовна, Институт востоковедения РАН (Москва); erudnitskaya@gmail.com

В статье рассматривается отрицательная экзистенциальная конструкция с *āčīn*. Очерчивается сфера употребления этой конструкции в устных рассказах и письменных текстах XXI века. Также анализируются грамматические свойства *āčīn*. *Āčīn* в контексте финитного предложения обнаруживает обязательное согласование по числу с подлежащим, однако не может присоединять показатели времени. Мы исходим из того, что эти свойства наиболее важны для характеристики употребления *āčīn* в XXI в. Исходя из этих свойств, *āčīn* — предикативное прилагательное. Атрибутивное же употребление группы с *āčīn* в XXI в. практически отсутствует. В статье предлагается анализ *āčīn* как вершины группы предикативного прилагательного (AdjPredP) и рассматривается и сравнивается то, как порождается предложение с номинативным [NOM] и партитивным [PART] именем, обозначающим отсутствующий объект. В конструкции с партитивным объектом группа [NP [PART] + *āčīn*] — это предикат, а подлежащее обычно посессор. Формальный анализ в обоих случаях основан на трактовке группы с *āčīn* как малой клаузы [NP + *āčīn*]. Этот анализ отражает модели согласования *āčīn*, а также механизм присваивания имени, обозначающему отсутствующий объект, номинатива и партитива. В адвербиальном употреблении устная речь и письменный язык различаются. В письменном языке (в большей степени отражающем литературный язык) у *āčīn* есть морфологические характеристики имени: к *āčīn* могут присоединяться падежные и посессивные аффиксы. *Āčīn* можно считать вершиной несобственно-посессивной конструкции. В устной речи предикативная конструкция с [NP [PART] + *āčīn*] используется прежде всего в обстоятельственной функции. Рассматриваются эта и другие особенности устной речи с *āčīn*, которые создают дополнительные проблемы для формального анализа конструкции.

Ключевые слова: экзистенциальное отрицание, эвенкийский язык, устный язык, письменные тексты, грамматические характеристики, формально-синтаксический анализ, партитив, номинатив, малая клауза

NEGATIVE EXISTENTIAL CONSTRUCTION WITH *ĀČĪN* IN EVENKI: THE INTERNAL SYNTACTIC STRUCTURE

Elena L. Rudnitskaya, Institute of Oriental Studies, RAS (Moscow); erudnitskaya@gmail.com

In the paper, the Evenki negative existential construction with *āčīn* is considered. The analysis is based on the use of this construction in the 21st century's oral and written texts. The grammatical features of *āčīn* are considered. In a finite clause, *āčīn* agrees in number with the subject, and it cannot attach tense affixes. With these features as central for its 21st century use, we analyze *āčīn* as a predicative adjective. Importantly, the *āčīn* construction is not used in the noun modifier function in the 21st century Evenki. We propose that *āčīn* is the head of a predicative adjective phrase (AdjPredP). The derivations of constructions with the nominative [NOM] and the partitive [PART] of missing object are compared. In the partitive object construction, the group [NP [PART] + *āčīn*] is the predicate, and the subject is normally the possessor. The formal analysis of both cases is based on the assumption that [NP + *āčīn*] is a small clause (SC_i). This analysis accounts for the agreement patterns of *āčīn*, and it includes the mechanisms of the nominative vs. partitive case assignment. In the adverbial use, there is a distinction between oral and written language. In the written language (that is close to the literary language), *āčīn* has morphological properties of a noun (it can attach case and possessive affixes), and it is similar to the nominal head of a quasi-possessive construction. In the oral language, the predicative adjective *āčīn* construction [NP [PART] + *āčīn*] is used primarily in the adverbial function. This and other oral speech innovations that create additional problems for the proposed formal analysis are discussed.

Keywords: existential negation, Evenki, oral language, written texts, grammatical features, formal-syntactic analysis, partitive, nominative, small clause

Статья написана при поддержке гранта РФФИ «Динамика развития языковой ситуации в локальных группах коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока по данным лингвистических биографий», № 20-012-00520 А (2020—2022 гг., рук. О. А. Казакевич). Мы благодарим участников международной конференции «Каритивные конструкции в языках мира», Санкт-Петербург, ИЛИ РАН (онлайн), 31.11—02.12. 2020, а также анонимных рецензентов за полезные замечания.

1. Общая характеристика эвенкийского языка и отрицательной конструкции в эвенкийском языке

Эвенкийский язык — это язык северной ветви тунгусо-маньчжурской семьи языков. Эвенкийский язык агглютинативный.

Словоизменительные показатели имени — число (семантическая категория), падеж, посессивность. Подлежащее в эвенкийском языке никогда не присоединяет морфологически выраженного падежного показателя: считается, что и в финитном, и в нефинитном предложении (в последнем случае имеется в виду причастная или деепричастная клауза) у подлежащего нулевой показатель номинатива. Аккузативный показатель прямого дополнения *-wA/-pA/-mA* не может опускаться. Тем не менее, в эвенкийском есть дифференциальное маркирование объекта: аккузативный или партитивный падеж. Партитивный падеж маркирует прямой объект в случае его неопределенности, нереперентности, неодушевленности, неисчисляемости и т. д. Правила выбора между аккузативным и партитивным падежом в целом те же, что и в случаях наличия или отсутствия факультативного показателя аккузатива в более распространенном в уральских и алтайских языках варианте дифференциального маркирования. Подлежащее в эвенкийском не может быть аккузативным или партитивным, независимо от финитности предложения.

Предикативные прилагательные согласуются с подлежащим по признаку числа. Для атрибутивных прилагательных характерно факультативное согласование с определяемым словом в числе и падеже (согласно грамматикам, только в северных и южных, но не в восточных говорах, а также в литературном языке, созданном на основе южного полигусовского говора). «Посессивное согласование» с определяемым именем тоже возможно.

Словоизменительные показатели глагола — временной и согласовательный (в числе и лице) аффиксы. У глагола есть также словообразовательные аффиксы с залоговым, аспектуальным и модальным значением, следующие после основы и до словообразовательных аффиксов. К номинализованным формам глагола относятся специализированные причастия и деепричастия (конвербы).

Порядок слов в эвенкийском языке XXI века свободный; базовым считается порядок SOV. В существующей литературе наблюдаются следующие особенности порядка слов. Во-первых, в составляющей возможен обратный порядок слов, если вся составляющая или один из ее компонентов подвергается фокусированию или эмфазе. Это явление называется «эмфатическая инверсия» и обсуждается подробно в работе [Колесникова 1966: 181—185], ср. также [Рудницкая 2019, Глава 1] (см. пример (136) и сноску 16). Во-вторых, тематические аргументы глагола, не входящие в фокус/рему, являющиеся фоновыми, в эвенкийском, как и во многих других уральских, алтайских, кавказских языках типа SOV со свободным порядком слов (см. [Kiss 2008; Göksel 2013; Polinsky 2015]), стоят в конце предложения, а не в начале или середине (см. примеры (46—в) и сноску 3).

Общеотрицательная конструкция в эвенкийском языке аналитическая. Она строится с помощью вспомогательного отрицательного глагола *ə-*, а смысловый глагол стоит в причастной форме на *-rA* (отрицательное причастие): пример (1)¹, ср. [Nedjalkov 1994]:

- (1) *ə-ŋkī-f* (bi) *buslə-rə*
NEG-PTITER-1SG 1SG болеть-PTCP.NEG
‘Я никогда не болела’. [Малые языки]

Конструкция аналитического отрицания полностью регулярна: например, она строится одинаково с глаголом в финитной форме и форме отрицательного причастия и функционально эквивалентна русскому деепричастному обороту (2а-б). В (2в) показана отрицательная клауза с предикативным прилагательным: она строится с помощью отрицания вспомогательного глагола.

- (2) а. *ə-вкī* сиңнин-дэ-рэ
NEG-PTCP.NAV жалеть-IPFV-PTCP.NEG
‘безжалостный’ [Болдырев 1994: 20]

¹ Мы используем примеры из корпуса устных рассказов 1999—2019 гг. «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»; URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/> (дата обращения: 15.09.2020) или <http://gisly.net/corpus/> (дата обращения: 20.08.2020), сокр. [Малые языки], Эвенкийская часть корпуса создана Е. Л. Клячко при участии Н. К. Митрофановой. Также используются «Корпусы Института этнографии и антропологии РАН» (КИЭА РАН), в которые входят в основном газетные и переводные тексты; URL: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php> (дата обращения: 10.09.2020), сокр. [КИЭА РАН]. В примерах из корпуса рассказов используется фонетическая транскрипция, принятая в корпусе рассказов (все эти примеры записаны в транскрипции и глоссированы Е. Л. Клячко), а в примерах из письменных текстов и русскоязычных работ по эвенкийскому — кириллическое написание, принятое в источнике. Используются глоссы, созданные для корпуса рассказов (О. А. Казакевич, Н. К. Митрофанова и др.)

б. *э-нэ* *таң-на*

NEG-PTCP.PF считать-PTCP.NEG

‘кроме’ / ‘не считая’ [Болдырев 2000б: 95]

в. *mōn-in mōn-in tar bəjə ǝ-čǝ=dō gugda həgdi bi-rə*

RFL-PS.3SG RFL-PS.3SG тот человек NEG-PST=FOC высокий большой быть-PTCP.NEG

‘Сам, сам тот человек не был высоким, большим’. [Малые языки]

Важно также отметить, что, хотя в эвенкийском языке есть деление на части речи, такие, как существительное, наречие, глагол, прилагательное и т. д., и также ряд атрибутивных аффиксов, существуют закрытые классы основ, называемые в работе [Василевич 1940: 42—44] «недифференцированными» (т. е. без категориальной принадлежности, ср. “category-neutral” [Haspelmath 2021: 20], например, англ. *hammer* ‘молоток’, ‘забивать, прибивать’), которые могут быть основами существительных и прилагательных, существительных и глаголов и т. д. Так, некоторые названия качеств могут быть прилагательными и абстрактными существительными: *ǝru* ‘зло’, ‘злой’; *urgə* ‘тяжесть’, ‘тяжелый’. Многие основы такого типа также могут быть именными и глагольными: *tirga* ‘день/рассвет’ [диал.], ‘рассвести’; *ud’a* ‘след’, ‘пойти по следу’ [диал.]; *balī* ‘слепой’, ‘ослепнуть’². К таким основам Г. М. Василевич относит и *āčīn* [там же: 43—44], а наиболее регулярный пример основ без категориальной принадлежности — основы так называемых местоимений-плейсхолдеров [Klyachko, to appear] типа *aji* ‘это’ и *ǝ(kūn)* ‘что’, которые, выступая в функции маркеров хезитации, переводятся как «что-то» или «это самое» и по морфологическому оформлению могут относиться к любой части. Ср. *aji* ‘это’ и *ǝ(kūn)* ‘что’ в (3а—б). В работе [Rijkhoff, van Lier 2013: 7, 9] среди языков, в которых есть классы слов с подобными «неопределенными» категориальными характеристиками (“flexible word classes”), авторы упоминают тюркские языки. Это явление в той или иной степени представлено и в других алтайских языках.

(3) а. *bi təǝ-Ø-m tālā kama aŋa-l-dā-i*

1SG сидеть-NFUT-1SG там SLIP открыть-INCH-CVB.PURP-RFL

aŋi-wə urkə-wə-n amŋa-wa-n aŋə abduni-n

это-ACC дверь-ACC-PS.3SG пасты-ACC-PS.3SG это.NOM берлога-PS.3SG

‘Я села, чтобы открыть, это самое, дверь, [то есть] пасты, это самое, его берлоги’ [Малые языки]

б. *ǝ-wa=wal tar nuŋan-ma-n tətī-l-wə ǝ-wa=wal aŋi-ra-n bū-rə-n*

что-ACC=INDEF тот 3SG-ACC-PS.3SG одежда-PL-ACC что-ACC=INDEF это-NFUT-3SG дать-NFUT-3SG

aŋi-da-n n’uhat’ [рус.] *amtat-ta-n* [эвенк.]

это-CVB.PURP-3SG нюхать нюхать-CVB.PURP-PS.3SG

‘Что-то там, он из одежды что-то, это самое, дал, чтобы она это самое, понюхала’ [Малые языки]

Таким образом, в соответствии с эвенкийскими грамматиками и работами по типологии, категориальная недоопределенность не является индивидуальным свойством *āčīn*, а скорее важной грамматической характеристикой определенных групп основ эвенкийского языка. Тем не менее, обработанный нами в п. 2 материал приводит немного к другим выводам.

2. Употребление и синтаксические характеристики отрицательной экзистенциальной конструкции

Отрицательная экзистенциальная конструкция в эвенкийском языке строится с помощью специального слова *āčīn*, которое является логическим предикатом для логического субъекта в номинативе или партитиве. В (4а—е) показана модель с логическим субъектом — номинативным подлежащим. Также в предложении может присутствовать посессивная или локативная именная группа (4б—в)³. (4г) пока-

² Ср. также [Болдырев 2000а: 58, 62]. В наших материалах можно найти далеко не все типы многозначности, указанной в словарях, но пары примеров для указанных в основном тексте слов найдены. То же касается прилагательных и наречий: большинство наречий образуются от прилагательных с помощью аффикса *-t* ‘ADLZ’, но есть и исключения: *hō* ‘сильный (о проявлении качества)’ — *сильная ненависть*, ‘сильно’ — *сильно заикаться*.

³ В примере (4в) *āčīn* предшествует подлежащему (имени, которое характеризуется как отсутствующее или не существующее: *bagdakə-l=iā*). Такой порядок слов встречается нередко. В начале эвенкийского предложения обычно располагается эмфатический или контрастный фокус, как и в других алтайских языках, а в конце предложения — топик/тема или фоновая информация. См. [Göksel 2013] с разбором порядка слов в турецком языке. В частности, в (4в) контрастивный фокус — *ačī-r*, а фоновая информация — *učasko-l-dū-wun* ‘на наших участках’.

зывает, что логический субъект может быть участником речевого акта. В (4д—е) приводятся примеры из газетных текстов.

- (4) а. *hulakī-l ās'i-r upkat-pa=dā wā-t-ča-l*
 лиса-PL NEG.EX-PL весь-ACC=FOC убить-DISTR-PTCP.ANT-PL
 'Лис нет, всех поубивали'. [Малые языки]
- б. *adi-n ačin bi-čo-n ānin-ŋī-w*
 муж-PS.3SG NEG.EX быть-PST-3SG мать-PROPR-PS.1SG
 'Мужа не было у моей матери'. [Малые языки]
- в. *ači-r o-ra-Ø bagdakə-l=tā tālā učasko-l-dū-wun*
 NEG.EX-PL статья-NFUT-3PL дикий.олень-PL=FOC туда участок-PL-DAT-PS.1PL(EXCL)
 '{Уже сейчас} 'не стало диких оленей-то на наших участках'. [Малые языки]
- г. *bī āčin bi-čō-w*
 я NEG.EX быть-PST-PS.1SG
 'Меня не было'. [Малые языки]
- д. *Tēli kniga-l anty-da ači-p bi-čə-tyŋ*
 тогда книга-PL какой-либо-FOC NEG.EX-PL быть-PST-3PL
 'Тогда не было никаких книг...' {и мы читали их [преподавателей] лекции и поспешно переписывали.} [КИЭА РАН, газета]
- е. *xuutu tэгэ-l век ači-p bi-čə-tyŋ*
 другой народ-PL всегда NEG.EX-PL быть-PST-3PL
 '{В поселках вот якуты жили,} 'никогда не было других народов'⁴ [КИЭА РАН, газета]

С одной стороны, данная конструкция строится по той же модели, что аналогичные конструкции в уральских и алтайских языках [Wagner-Nagy 2011]. Если оценивать конструкцию с *āчин* с типологической точки зрения Л. Веселиновой [Veselinova 2013], важным параметром, выделяющим отрицательные экзистенциальные глаголы в типологическом плане, является невозможность присоединения показателей времени. В выборке Л. Веселиновой одна треть языков, как и эвенкийский, не допускают показателей времени (то есть не относится к категории собственно глагола). Среди уральских и алтайских языков такие (именные/адъективные) отрицательные экзистенциальные конструкции встречаются довольно редко — ср. [Wagner-Nagy 2011: 176—181]. В ненецком и нганасанском (уральские) или корейском (алтайские) языках, но не в мансийском или эвенкийском, слово, обозначающее экзистенциальное отрицание, имеет глагольные свойства. В эвенкийской конструкции с *āчин* глагольные показатели присоединяются к вспомогательному глаголу *bi-* 'быть', см. (4б), (4г—е). В (4а), (4в) глагол *bi-* в настоящем времени опущен, это характерно для эвенкийского, см. также (6б) и другие примеры ниже.

Важно также отметить, что если исходить из категориальной недоопределенности *āчин*, то морфологические свойства *āчин* в конструкции с подлежащим — «отрицаемым» существительным (далее NP_{NEG.EX}), типа (4а—е), такие же, как у эвенкийского предикативного прилагательного, ср. (5а—б).

- (5) а. *bi-kə ilmakta bi-čo-w*
 я-FOC молодой быть-PST-1SG
 'Я был молодой'. [Малые языки]
- б. *aha-l-da bi-šo-l ilmakta-l*
 женщина-PL-FOC быть-PTCP.ANT-PL молодой-PL
 'Женщины тоже были молодые'. [Малые языки]

Ачин в этом случае согласуется с NP_{NEG.EX} в числе, ср. (4а), (4в) vs. (4б), (4г) (и, возможно, в падеже, поскольку у номинатива нет морфологически выраженного показателя).

Если рассматривать конструкцию с *āчин* парадигматически, в эвенкийском нет специального положительного коррелята *āчин* (в отличие, например, от корейского или турецкого языков), а в случае, когда говорится не об отсутствии, а о наличии какого-то предмета, используется глагол *bi-* 'быть' (6в), омонимичный вспомогательному глаголу в (6а) или связочному глаголу в (6б).

⁴ Перевод Е. Л. Клячко.

- (6) а. *koj-no bi-hi-m⁵ gun-d'a-rə-n*
 заблудиться-PTCP.PF быть-NFUT-1SG говорить-IPFV-NFUT-3SG
 '[Я] заблудился', [он] говорит'. [[Малые языки], вспомогательный глагол]
- б. *Tari-l oro-r burgu-l (bi-si-Ø)⁶*
 тот-PL олень-PL толстый-PL (быть-NFUT-3PL)
 'Те олени толстые'. [[Nedjalkov 1997: 277], связочный глагол]
- в. *tər turu-dū žə d'u-n bi-hi-n mon-ŋi-n*
 тот Тура-DAT FOC дом-PS.3SG быть-NFUT-3SG RFL-PROPR-3SG
 '[У нее] есть⁷ свой собственный дом в Тура'. [Малые языки]

Необходимо отметить работу [Горцевская 1941: 80—86], в которой утверждается, что *āчин* морфосинтаксически и функционально родственно словам с аффиксом обладания *-чи* 'ATR', например *hutə-ši* 'имеющий ребенка/детей' [Малые языки]. С одной стороны, имена на *-чи* в современном эвенкийском имеют функцию обладания⁸, а с другой, как видно из материала ниже, морфосинтаксические признаки, указывающие на параллель между этими именами и конструкцией с *āчин*, во многом утрачены. Отрицательных коррелятов у слов с *-чи* нет.

У эвенкийского есть еще одна важная особенность. NP_{NEG.EX} в конструкциях с *āчин* в эвенкийском языке может стоять в партитиве, а не только в номинативе. Имя в партитиве, согласно [Василевич 1940: 43] (в грамматике литературного эвенкийского языка XX века), не употребляется в предложениях с NP_{NEG.EX} в роли подлежащего типа (4). Партитив NP_{NEG.EX} возможен только в атрибутивном/предикативном употреблении *āчин* (см. ниже).

Атрибутивные и адвербиальные употребления. Рассмотрим атрибутивные и адвербиальные употребления⁹. Эти употребления не идентичны финитным употреблениям (4а—е): в них NP_{NEG.EX} — не подлежащее, а часть предиката [NP_{NEG.EX} + *āчин*], и этот предикат определяет имя, модификатором которого он является (атрибутивные употребления), или ситуацию (адвербиальные употребления) — ср. определение из работы [Оскольская и др. 2020: 21—22]: «Каритив описывает невовлеченность в ситуацию (в частном случае отсутствие в ней) некоторого участника (абсенса), при этом предикация невовлеченности является семантическим модификатором этой ситуации или участника некоторой другой

⁵ По работе [Василевич 1948: 64], перед гласной и в интервокальном положении звуку [s] в южном диалекте соответствует [h] в северном диалекте. Однако Г. М. Василевич описывает эвенкийский язык начала/середины XX века. В работе [Клячко, в печати] на материале корпуса [Малые языки] показано, что в языке XXI века эта закономерность нарушена. В целом критерии Г. М. Василевич не соблюдаются. Мы не рассматриваем этот вопрос, считая обе формы эквивалентными вариантами.

⁶ В настоящем времени *bi-* в связочной функции почти всегда опускается (кроме случаев, когда *bi-* является фокусом контраста или несет эмфатическое ударение), см. (6а) vs. (6в).

⁷ Эвенкийский — язык «бытийного типа» (be-language), то есть отношения обладания передаются в немаркированном случае экзистенциальным глаголом 'быть', а не (отсутствующим в эвенкийском) глаголом 'иметь' [Harves, Kayne 2012]. Это же относится и к отрицательному экзистенциальному предикату *āчин* — ср. (6в) или (4б) с отношением 'обладание' между *d'u-n* 'его/ее дом' (6в) или NP_{NEG.EX} *adi-n* 'его/ее муж' (4б) — в обоих случаях обладаемым — и нулевым местоимением 'у нее' (6в) или *ənin-ŋi-w* 'моя мать-обладатель' (4б) — в обоих случаях обладателем. А в (4в) между NP_{NEG.EX} (*bagdakə-l=tə* 'дикие олени') и *učasko-l-dū-wun* 'на наших участках' вместо обладания — отношение 'местонахождение'.

⁸ Эти слова, как и конструкция с *āчин*, в основном употребляются в предикативной позиции. Иногда они употребляются и в атрибутивной позиции, ср. (i); аналогичные примеры есть в работе [Колесникова 1966: 155]. Возможно, в (i), как и в (8а—б) ниже, происходит субстантивация слова на *-чи*. См. сноску 10.

(i) [DP *d'ūr hutə-ši ətirkō-ši*]_{DP} *hawal-d'a-ra-n tadū*.
 два ребенок-ATR старик-ATR работать-IPFV-NFUT-3SG там
 'С двумя детьми, замужняя, работает она там'. [Малые языки]

⁹ Атрибутивные и адвербиальные употребления отрицательной экзистенциальной конструкции зафиксированы далеко не во всех языках, в которых есть эта конструкция. Из тунгусских языков, в нанайском языке в таких конструкциях, как правило, используется другой постпозитивный показатель (*ana*) [Оскольская 2020], хотя в некоторых говорах нанайского языка используется показатель, родственный предикату *aba-* 'не быть' [там же: 41], — он употребляется или без грамматических показателей, как постпозитивная частица, или с показателем инструменталиса.

ситуации (ориентира)». Атрибутивные употребления очень редко встречаются в обоих корпусах «Малые языки» и КИЭА РАН. В первом было найдено только сочетание *оро-р-э āчин* ‘безоленный’ в (7а), ср. аналогичное сочетание в (7б), записанное Г. М. Василевич в 1960 г.:

- (7) а. *ər=kə [oron-ə ašin] əwənki ə-to-n utōlā-pti əmtu in-ə*
 этот=FOC олень-PART NEG.EX эвенк NEG-FUTCNT-3SG прежде-ATR.TEMP <неясная.форма> жить-PTCP.NEG
 ‘Ведь безоленный эвенк не мог раньше жить’. [Малые языки]
- б. [*Оро-р-о āчин-р*] *бэйэ-л оро-р-во вā-вкй-л би-чэ-тйн*
 олень-PL-PART NEG.EX-PL человек-PL олень-PL-ACC убивать-PTCP.HAB-PL быть-PST-3PL
 ‘Не имевшие оленей эвенки убивали оленей’. [Василевич 1966] и [КИЭА РАН]

В устных рассказах встречаются атрибутивные модификаторы с *āчин* с опущенной вершиной (8а—б). Такие употребления не найдены в письменных текстах корпуса КИЭА РАН, и они отсутствуют в наиболее полном и недавнем словаре [Болдырев 2000а: 49]¹⁰.

- (8) а. *tar [DP [hutə-ja aši-r] DP] minə ga-da-Ø*
 тот ребенок-PART NEG.EX-PL 1SG.ACC взять-NFUT-3PL
 ‘Эти бездетные [люди] меня взяли’. [Малые языки]
- б. [*DP [kutu-jə ašin] DP] -dū ə-fkī-l baldi-rə*
 удача-PART NEG.EX -DAT NEG-PTCP.HAB-PL вырасти-PTCP.NEG
 ‘У несчастливца [ребенка] не растут [олени]’. [Малые языки]

Авторы работы [Оскольская и др. 2020: 14] считают контексты, в которых группа [*NP_{NEG.EX} + āчин*] стоит в предикативной позиции (типа *Иван без денег*), нерелевантными для семантики каритивности. Однако для нашей задачи анализа синтаксической структуры сочетаний с *āчин* такие примеры представляют интерес — тем более что в обоих наших корпусах предикативные сочетания с *āчин* встречаются достаточно часто, причем с разными *NP_{NEG.EX}*, ср. (9а—г).

- (9) а. *Nuŋa-r-tin [hutə-ja aši-r] bi-šō-tin*
 3PL-PL-PS.3PL ребенок-PART NEG.EX-PL быть-PST-3PL
 ‘У них не было детей’. [букв. «Они были бездетные»] [Малые языки]
- б. [*toŋo-jo aši-r*] *o-d'ak=ta...*
 огонь-PART NEG.EX-PL стать-CVB.COND.DS=FOC
 ‘Когда (мы) станем без огня...’ (‘когда у нас не будет огня’...) {мы умрем, потому что замерзнем и не сможем готовить еду.} [Малые языки]
- в. *Би тыкин-дэ [атыркан-а ачин]*
 1SG все.время=FOC старуха-PART NEG.EX
 ‘Но я до сих пор без жены’. [КИЭА РАН, сказания восточных эвенков]
- г. *Бй [хутэ-е āчин] би-де-м*
 1SG ребенок-PART NEG.EX быть-FUTCNT-1SG
 ‘Я остаюсь бездетным’. [КИЭА РАН, Библия для детей (переводной текст)]

Морфологические свойства *āчин* в предикативных примерах (9а—г) такие же, как в предложениях типа (4а—е), в которых *NP_{NEG.EX}* — подлежащее. Так, из *aši-r* [PL] в (9а—б) vs. *āчин* / *ачин* [SG] в (9в—г) видно, что *āчин* согласуется в числе с подлежащим. *NP_{NEG.EX}* в (9а—г), в отличие от (4а—е), — дополнение в партитивном падеже [PART]. В эвенкийском языке партитивный падеж может быть присвоен толь-

¹⁰ (8а—б) — это примеры субстантивации (без аффиксации, то есть конверсии), которой в эвенкийском могут подвергаться некоторые причастия и прилагательные [Константинова 1964: 83—84], но не глаголы. Учитывая примеры (8а—б) и аналогичные, можно заключить, что примеры (13а—в) ниже, где у *āчин* морфологические свойства имени и *āчин* — вершина несобственно-посессивной конструкции, — это результат субстантивации, то есть в них у *āчин* наблюдаются не глагольные, а именные свойства. В работе [Константинова 1964: 75—79] *āчин* считается существительным. Если учесть, что от прилагательных не могут аффиксальным способом образовываться существительные, а обратное возможно, точку зрения О. А. Константиновой следует признать правильной и, кроме того, получается, что степень «независимости» у прилагательных как части речи меньше, чем у существительных. Таким образом, группа с *āчин*, как и прилагательные, подвергается субстантивации только путем конверсии.

ко дополнению, причем выбор между номинативом и партитивом регулируется примерно теми же факторами, что и дифференциальное маркирование объекта. Таким образом, партитивный объект чаще, чем аккузативный объект, неререферентный, неопределенный, неодушевленный и т. д.

В предложениях, в которых NP_{NEG.EX} является подлежащим (4а—е), сохраняется возможность существования и определенности NP_{NEG.EX}, поскольку NP_{NEG.EX}, будучи подлежащим, не обязательно входит в сферу действия отрицания как компонента значения *āчин* (ср. (4г), где NP_{NEG.EX} — местоимение первого лица *bī*). Партитивная группа NP_{NEG.EX} в (7а—б) и (9а—г) неререферентна, поскольку NP_{NEG.EX} входит в сферу действия *āчин*, и наличие у кого-либо / чего-либо обозначаемого ею объекта или его существование отрицается *āчин*¹¹.

Мы, вслед за работой [Болдырев 2007: 85], считаем, что именно *āчин* присваивает партитив имени NP_{NEG.EX}. Подробно этот вопрос обсуждается в п. 3.

Таким образом, атрибутивные употребления в наших материалах практически не найдены, а идентичные им по структуре предикативные (с партитивным объектом) встречаются сравнительно часто. В последнем случае *āчин* согласуется с подлежащим. Если считать, что *āчин* — предикативное прилагательное, отсутствие атрибутивных употреблений естественно. Атрибутивные прилагательные в эвенкийском языке, в отличие от *āчин*, часто, хоть и не всегда, согласуются с определяемым именем в падеже, а не только в числе, ср. (10):

- (10) *o-ŋkī-n* *ātiŋ-l-wo* *nama-pčū-l-wə...*
 делать-PTITER-3SG одежда-PL-ACC тепло.NOUN-ATR-PL-ACC
 '[Я] шила теплую одежду...' [Малые языки]

В примерах из литературного языка, приводимых в грамматиках и исследованиях по эвенкийскому языку, *āчин*, как и атрибутивное прилагательное, согласуется в падеже с определяемым словом, ср. [Горцевская 1941: 72; Колесникова 1966], пример (11а). Однако в доступных нам материалах нет примеров, полностью аналогичных (11а), кроме (7а). Так, (11б), переведенный на русский с постпозитивным определением, строится по принципу именного сказуемого с вспомогательным глаголом — то есть *āчин*, опять же, является вершиной адъективной части предиката¹².

- (11) а. [*мудан-а āчи-р-дү*] *дуннэ-ңи-л-дү-вун...*
 предел-PART NEG.EX-PL-DAT земля-INDPS-PL-DAT-PS.1PL
 'На наших беспредельных угодьях' {очень много всякого зверья.} [Колесникова 1966: 155]
 б. *āhi-kokōn bājə-l* *arə* [[*hawa-l ās'in*] *bi-fkī-l*] *hawa= hawa=*
 сейчас-INTS человек-PL этот работа-PL NEG.EX быть-PTCP.HAB-PL работа.SLIP работа.SLIP
 'Теперь люди это, безработные обычно'. [букв. «бывали/бывавшие без работы»] [Малые языки]

Исходя из наших данных, приведенных выше, *āчин* — предикативное прилагательное, которое свободно не употребляется как атрибутивное, кроме случаев субстантивации (8а—б). Существует ли такая часть речи? Можно ли тут видеть категориально недоопределенную основу (ср. плейсхолдеры в (3а—б)), которая может употребляться в определенных синтаксических контекстах с признаками разных частей речи?

Дополнительный синтаксический контекст, в котором употребляется предикативное сочетание [NP_{NEG.EX}[PART] + *āчин*], — это позиция адвербиального модификатора в устной речи. В данной функции [NP_{NEG.EX} + *āчин*] употребляется довольно часто:

- (12) а. [*hawa-jə asin*] *ə-dəŋə* *bodo-ro*
 работа-PART NEG.EX NEG-PTCP.POST существовать-PTCP.NEG
 'Без работы не могла существовать'. [Малые языки]

¹¹ В атрибутивном употреблении NP_{NEG.EX}, как правило, стоит в единственном числе. Пример (7б) — исключение, но этот пример малопоказательный: он относится к 1960 году. К тому же в нем непонятно, согласуется *āчи-р* в (7б) по числу с *оро-р-о* ('олени', NP_{NEG.EX}) или с *бэйэ-л* ('люди', определяемое имя).

¹² В (11б), как и в (7б), NP_{NEG.EX} ('работа', *hawa-l*) и определяемое имя ('люди', *bājə-l*) оба стоят во множественном числе. Однако *ās'in* стоит в единственном числе и не согласуется ни с тем, ни с другим. Это говорит о том, что в современном языке числовое согласование *āчин* у некоторых носителей утрачивается (в корпусе [Малые языки] есть еще примеры без согласования *āчин*). В работе [Горцевская 1941: 72] приводятся минимальные пары, показывающие, что в литературном языке XX века число *āчин* в атрибутивной позиции определялось вершинным (модифицируемым) именем.

- б. *ēkun=da bulta-ja-n* *əduk* [*kəʔə-ja* *aśin*]
 что=FOC добыча-PART-PS.3SG отсюда мучение-PART NEG.EX
ətən *ətə-Ø-ndə* *bokon-o*
 не.статья.SLIP не.статья-NFUT-2SG догнать-PTCP.NEG

‘Никакую добычу с этих пор **без мучений** не сможешь догнать’. [Малые языки]

- в. Буливиси-к [*гирки-е āчин*], *уи нуна-р-ду-тын калару-дя-н*, *колобоу-де-н...?*
 скучать-NMLZ друг-PART NEG.EX кто он-PL-DAT-PS.3PL стряпать-FUTCNT-3SG печь.хлеб-FUTCNT-3SG
 ‘Скука/скучно **без друга** [имеется в виду жена, это цитата устной речи в газете], кто будет для них стряпать, печь хлеб [...]?’ [КИЭА РАН, газета]

В грамматиках и работах по эвенкийскому языку [Василевич 1940; Горцевская 1941; Константинова 1964; Колесникова 1966; Nedjalkov 1997; Bulatova, Grenoble 1999] нет упоминания об адвербиальной функции [NP_{NEG.EX}[PART] + *āчин*]. Видимо, такая функция появилась у [NP_{NEG.EX}[PART] + *āчин*] недавно¹³. В литературном же языке в обстоятельственной функции используется несобственно-посессивная конструкция [NP_{NEG.EX}[NOM] + *āчин*-NUM-CASE(-PS)]¹⁴. В (13а—б)¹⁵ приводятся примеры из корпуса [КИЭА РАН], а в (13в) — единственный найденный пример такого типа в корпусе [Малые языки]; пример найден в сказке, где рассказчик (В. Ёлдогир) старается употреблять архаические выражения: в рассказе о жизни В. Ёлдогир использует адъективную конструкцию, представленную в (12а).

- (13) а. *Гун-де-м*, *пельмени-л мун-ду* [*сунюри[н]* *имуксэ ачин-ди=да...*]
 говорить-FUTCNT-1SG пельмени-PL 1PL.OBL(EXCL)-DAT свинья жир NEG.EX-INST=FOC
 ‘Говорю, для нас пельмени и **без свиного жира...**’ {со своим жиром вкусные.} [КИЭА РАН]
- б. [*Эвэнки-л ачи-р-ду-тын*], [*ачи-р-ду-тын оро-р...*]¹⁶
 эвенк-PL NEG.EX-PL-DAT-PS.3PL NEG.EX-PL-DAT-PS.3PL олень-PL
 ‘**Без эвенков, без оленей**’... {экспедиция не могла бы сделать столько работы.} [КИЭА РАН]
- в. *тар этə-д’əḡə-н* [*Ø* *aśin-dū-w*]
 тот прийти-PTCP.POST PRO.1SG NEG.EX-DAT-PS.1SG
 ‘Он придет, **когда меня не будет**’. [Малые языки]

Большинство авторов грамматик и словарей, например [Константинова 1964: 75—79; Болдырев 2000а: 49; Болдырев 2007: 53], считают *āчин* существительным. Рассмотренный набор синтаксических контекстов показывает, что *āчин* нельзя приравнять к категориально недоопределенным основам. В таблице 1 показаны свойства *āчин*, которые имеют отношение к категориальным характеристикам *āчин*.

¹³ Поскольку тут речь идет об «адъективном» обстоятельстве, у которого нет морфосинтаксических свойств обстоятельства, то, как кажется, уместно говорить о «некатегориальном подчинении» в смысле [Ландер 2008].

¹⁴ В (i-а) показана стандартная посессивная конструкция, а в (i-б) — несобственно-посессивная конструкция, ср. примеры в работе [Лютикова 2016: 157—158]:

- (i) а. ...[*таре бира дэрэн-ду-н*]
 тот.ACC река устье-DAT-PS.3SG
 ‘...в устье той реки’. [Константинова 1964: 63]
- б. [*oron hawa-n*] *hō* *bəjə* *hawal-daki-n*
 олень работа-PS.3SG сильный(о.проявлении.качества) человек работать-CVB.COND.DS-3SG
 ‘Оленья работа большая, если человек работает’. [Малые языки] (‘работа с оленями’, отношения принадлежности нет), ср. примеры в работе [Колесникова 1966: 153]

В работах [Горцевская 1941: 79; Nedjalkov 1994: 29] приводятся примеры с конструкцией [NP_{NEG.EX} [NOM] + *āчин*-NUM-CASE(-PS)] в аргументной позиции, но в нашем материале подобные примеры не найдены. Таким образом, важный синтаксический довод в пользу того, что *āчин* является именем, у нас отсутствует. Зато в (8а—б) конструкция [NP_{NEG.EX} [PART] + *āчин*] оказывается в аргументной позиции после субстантивации.

¹⁵ В работе [Горцевская 1941: 73—74] отмечается, что, если NP_{NEG.EX} не является местоимением, посессивный аффикс у *āчин* может отсутствовать, ср. (13а).

¹⁶ Конструкция с *āчин* в обстоятельственной функции, исходя из наших данных, допускает препозицию *āчин* к NP_{NEG.EX}. Препозиция встречается в случаях так называемой «эмфатической инверсии» [Колесникова 1966], которая, в частности, возможна при эмфатическом или контрастивном выделении *āчин* или NP_{NEG.EX} (что, скорее всего, имеет место в данном случае).

Таблица 1¹⁷ (ср. [Горцевская 1941: 71, 76—79; Болдырев 2000а: 49; Болдырев 2007: 85])

Существительное		Прилагательное		Глагол	
Морф.	Синт.	Морф.	Синт.	Морф.	Синт.
<ul style="list-style-type: none"> Семантическая категория числа (–). Обязательная субстантивация в атрибутивной позиции (+/?). Несогласованный падеж (–) с NP_{NEG.EX} [PART] (+) в несобственно-посессивной конструкции. Согласованный посессивный показатель (–) с NP_{NEG.EX} [PART], (+) в несобственно-посессивной конструкции. 	<ul style="list-style-type: none"> Аргументная позиция (+/–), найдены неидиоматические примеры только вместе с субстантивацией. Обстоятельная позиция (+). Именная предикативная позиция (+). 	<ul style="list-style-type: none"> Согласованная категория числа (+). Согласование по падежу (–). Субстантивация (+) Невозможность аффиксального образования существительного (?). 	<ul style="list-style-type: none"> Именная предикативная позиция (+). Атрибутивная позиция, +/–, найдены неидиоматические примеры только вместе с субстантивацией. 	<ul style="list-style-type: none"> Показатели времени, вида и т. д. (–). Согласование с подлежащим (+). Невозможность аффиксального образования существительного (–). 	<ul style="list-style-type: none"> Возможность присваивания партитива дополнению (+).

Таблица 1 показывает, что, хотя у *āчин* больше всего свойств имени и прилагательного (которые во многом перекрываются), по нашим данным, *āчин* нельзя отнести ни к какой части речи по совокупности морфологических и синтаксических признаков. Скорее, морфосинтаксические свойства *āчин* уникальны, и *āчин* в некоторой степени теряет свойства имени и приобретает предикативные свойства (см. п. 3 и особенно сноску 26). В несобственно-посессивной конструкции *āчин* — определенно существительное.

3. Формально-синтаксический анализ конструкции с *āчин*: [NP_{NEG.EX}[SUBJ/NOM] + *āчин*] и [NP_{NEG.EX}[PART] + *āчин*]

Учитывая приведенный выше материал и его анализ, можно выделить три типа конструкции с *āчин*: (1) с NP_{NEG.EX} — подлежащим и *āчин* — сказуемым (примеры (4а—е)); (2) с NP_{NEG.EX} — дополнением в партитиве (примеры (7а—б), (8а—б), (9а—г), (12а—в)); (3) несобственно-посессивная конструкция с вершиной *āчин* (примеры (13а—в)). Мы рассмотрим формально-синтаксический анализ только первых двух групп примеров (в сравнении), поскольку формальный анализ посессивной конструкции в эвенкийском не проводился, и такой анализ займет слишком много места. В обоих этих случаях NP_{NEG.EX} — это аргумент *āчин*¹⁸, но поскольку в одном случае NP_{NEG.EX} — это подлежащее, а в другом — дополнение, то создается впечатление, что у *āчин* две диатезы. Однако поскольку *āчин* — не глагол, мы не можем тут

¹⁷ Дается в соответствии с замечанием анонимного рецензента. (+) обозначает, что данное свойство присуще части речи из данного столбца, а (–) — что нет.

¹⁸ [Partee, Borschev 2002], как и другие исследователи, предлагают семантический анализ экзистенциального глагола (на примере русского *быть*) как имеющего два аргумента: тема (внутренний) и местонахождение/локация (внешний): *В комнате есть кондиционер, У него есть дети*. Такая же аргументная структура и у каритивного показателя [Matushansky 2020]. Внутренний аргумент «тема» (NP_{NEG.EX}) относится к субкатегориальной рамке *āчин*. Внешний же аргумент (местонахождение) семантически присутствует, но его синтаксическая позиция и форма жестко не фиксированы и зависят от интерпретации конструкции (см. сноску 7). Ср. локативный аргумент «у моей матери» (обладатель) из (4б) и аргумент (местонахождение) «на наших участках» *učasko-l-dū-wun* 'участок-PL-DAT-PS.1PL(EXCL)' из (4в). В настоящей статье мы не рассматриваем внешний аргумент *āчин*.

апеллировать к суффиксам глагольной деривации (например, *-wi* ‘TRANS’ или *-vkān-* ‘CAUS’). В силу того, что аналогичные случаи нам неизвестны, мы попробуем представить эти две диатезы по-другому.

Чтобы отразить тот факт, что $NP_{NEG.EX}$ — аргумент *āчин*, *āчин* представляется как вершина $Adj.Pred$ группы $Adj.PredP$, а $NP_{NEG.EX}$, как аргумент *āчин*, стоит в спецификаторе $Adj.PredP$. При этом, поскольку внутри $Adj.PredP$ между $NP_{NEG.EX}$ и *āчин* указаны только тематические, но не грамматические отношения, $Adj.PredP$ в этом случае аналогично малой клаузе (Small Clause / SC), состоящей из субъекта и предиката:

В примерах типа (4a—e) $NP_{NEG.EX}$ — это скорее DP^{19} — подлежащее финитного предложения, обладающее всеми именными категориями и референциальными характеристиками [Abney 1987]. Эта группа передвигается в $SpecAgrP$ для передачи *āчин* согласовательного признака числа, а затем в $SpecTP$ для того, чтобы вершина T (которая содержит также вспомогательный глагол) присвоила $NP_{NEG.EX}$ номинатив. Для (4a) схема вывода будет (15). Поскольку *āчин* не является глаголом, $Adj.Pred$ (*āчин*) из согласовательной вершины Agr не может передвинуться в T и приобрести там такие глагольные признаки, как время.

- (4) а. *hulakī-l ās'i-r upkat-pa=dā wā-t-ča-l*
 лиса-PL NEG.EX-PL весь-ACC=FOC убить-DISTR-PTCP.ANT-PL
 ‘Лис нет, всех поубивали’. [Малые языки]

Теперь рассмотрим случай (2): тут $NP_{NEG.EX}$ — партитивное дополнение *āчин*. Как отмечается в работе [Kiparsky 2001: 348—349], партитивный падеж дополнения связан с отрицанием, квантификацией или имперфективным глагольным аспектом. Поскольку *āчин* обозначает отрицание существования/обладания/местонахождения (где-либо) $NP_{NEG.EX}$, ср. [Matushansky 2020], по крайней мере один или два из

¹⁹ Более корректно было бы вместо $NP_{NEG.EX}$ писать $DP_{NEG.EX}$, в том числе в схемах (14), (16), (18) и (19). Хотя *āчин* содержит в своем значении кванторы существования и отрицания ($\neg \exists (X)$), во многих случаях $DP/NP_{NEG.EX}$ не включается в сферу действия *āчин*, например в (4a—e), ср. (4г), и тогда отрицается не существование $DP/NP_{NEG.EX}$, а отношение между $DP/NP_{NEG.EX}$ и внешним аргументом *āчин*, см. [Matushansky 2020]. Мы подробно не рассматриваем этот вопрос.

указанных факторов (квантификация, отрицание) есть в конструкции с *āчин*. В то же время, если некоторые исследователи, в том числе П. Кипарски, считают партитив структурным падежом (как один из вариантов дифференциального маркирования), то в случае с *āчин* это скорее лексический падеж, который присваивается определенной лексической единицей (*āчин*) в специальной конструкции (16). Однако мы не утверждаем, что партитив при глагольном управлении — лексический падеж.

Внутри этой конструкции сохраняется структура (14); NP_{NEG.EX} тут дополнение, а *āчин* — это (предикативное) прилагательное, которое, как правило, не может присваивать падеж прямому дополнению, см. [Cinque 1990: 8—9; Cinque 2010: 46—47; Гращенков 2019: п. 3.1.5.3, (504), (507)]. Поэтому в (16) включается нулевой глагол V_F, являющийся вершиной группы V_FP, которая доминирует над Adj.PredP=SC из (14). Присваивание падежа вершиной [Adj.Pred + V_F] именной группе NP_{NEG.EX}, стоящей в позиции спецификатора проекции Adj.PredP, над которой доминирует V_FP, допустимо. Новая структура с V_FP тоже является малой клаузой: в этой структуре отсутствуют функциональные проекции TP и так называемое «small V» / v: вершина T ассоциируется с номинативом (см. (15)), а вершина v — с аккумулятивом, который в данной конструкции отсутствует. Таким образом, Adj.PredP — это SC_i, а V_FP — это SC_j.

В позиции SpecV_FP стоит нулевое подлежащее PRO; это нулевое подлежащее, которое не может быть морфологически выраженным (оно всегда нулевое), но может передавать предикативному слову признаки согласования от аргумента, который контролирует PRO. Так, через PRO происходит согласование вторичных предикатов в придаточном предложении (инфинитиве) в русском языке с подлежащим или дополнением главного предложения²⁰ (примеры (i-в-г) в сноске 20). Тут PRO передает признаки рода и числа от контролирующего PRO аргумента вторичному предикату. В (16) PRO должно работать аналогично.

По определению, PRO, хоть и не выражается морфологически, является аргументом какого-то предиката. Уже говорилось о том, что у *āчин*, как и у *bi-*, два аргумента (тема и местоположение (обладатель/посессор)), см. (4б—в), (6в), сноски 7 и 18. В конструкции с [NP_{NEG.EX}[PART] + *āчин*] в предикативной позиции типа (9а—г) ([*hutə-ja aśi-r*] в (9а)) номинативное подлежащее (*nuŋa-r-tin*) — посессор. Предположим, что посессор контролирует PRO в (16)²¹.

- (9) а. *Nuŋa-r-tin* [*hutə-ja aśi-r*] *bi-śō-tin*
 3PL-PL-PS.3PL ребенок-PART NEG.EX-PL быть-PST-3PL
 ‘У них не было детей’. [букв. «Они были бездетные»] [Малые языки]

²⁰ Ср. русские примеры. В примерах (i-а), (i-б) PRO контролируется подлежащим (он, она) основного предложения, а в (i-в), (i-г) — косвенным дополнением (ему, ей). Вторичный предикат *один* во всех примерах согласуется по роду и падежу с тем аргументом (он / ему или она / ей), который контролирует PRO.

- (i) а. **Он** [MASC, NOM] любит [PRO гулять **один** [MASC, NOM]]
 б. **Она** [FEM, NOM] любит [PRO гулять **одна** [FEM, NOM]]
 в. **Она** приказала **ему** [MASC, DAT] [PRO гулять **одному** [MASC, DAT]]
 г. **Он** приказал **ей** [FEM, DAT] [PRO гулять **одной** [FEM, DAT]]

²¹ В связи с ограниченными возможностями программы Paint, в схемах (16) и далее некоторые символы из примеров транскрипции заменяются: *nuŋa-r-tin* (нуңа-р-тын) → *nunga-r-tin*; *hutə-ja* (хутэ-я) → *hute-ja*.

Теперь рассмотрим, как $[NP_{NEG.EX}[PART] + \bar{a}чин]$ (*[hutə-ja aši-r]*) встраивается в структуру предложения. Если поместить схему (16) в позицию компонента связки в сентенциальной структуре, аналогичной (15), результирующая структура не будет удовлетворять всем принципам и ограничениям. Если *aši-r* (Adj.Pred) в (16) инкорпорируется в нулевую глагольную вершину V_F , результирующая сложная вершина $[aši-r_2 [NOM, PL] + V_F]$ имеет глагольную категориальную природу и может далее инкорпорироваться в T , образовав сложный комплекс $[aši-r_2 [NOM, PL] + V_F + T (+ \text{Cop } (bi-sō-tin)) [PST, 3PL]]^{22}$. В этом случае признак $[PST]$ может передаваться *aši-r*, что противоречит строгому запрету на наличие у *āчин* глагольных морфологических признаков (или присоединение к *āчин* глагольных показателей, таких как *-čA [PST]* или *-tin [3PL]*)²³.

Если же рассматривать *āчин* как номинализированный предикат, подобно причастиям²⁴, можно анализировать конструкцию $[_{VP} NP_{NEG.EX} [PART] + \bar{a}чин]$ в (16) как субстантивацию по типу конверсии: $[_{NP} [_{VP} NP_{NEG.EX} [PART] + \bar{a}чин]_{NP}]$, аналогично примеру (i) в сноске 24: $[_{DP} [_{TP} \text{əntil-tin } jōkə-d'ə-rī-PTCP}]-l-wə]_{DP}$. Учитывая то, что V_F в (16) не содержит никаких глагольных функциональных проекций, мы добиваемся двух ограничений: (1) $[aši-r_2 [NOM, PL] + V_F]$ не сможет инкорпорироваться в T , поскольку вершина N группы NP , доминирующей над V_F , именная вершина, не может инкорпорироваться в T и поскольку инкорпорация $[aši-r_2 [NOM, PL] + V_F]$ в вышестоящие вершины должна была бы проходить «пошагово», не пропуская ни одну вершину²⁵; (2) подлежащее V_F (PRO), которое контролирует подлежащее всего предложения с *nuŋa-r-tin*, по согласованию получает признаки $[NOM, PL]$. PRO внутри V_F не может быть присвоен еще один именительный падеж, поскольку в V_F нет функциональных проекций. Соответствующая структура для (9a) представлена в (18).

Номинализация SC_j в (18) имеет также три следующих преимущества. Во-первых, аналогично можно анализировать субстантивацию в примерах (8a—б), где группа $[_{DP} [_{VP} NP_{NEG.EX} [PART] + \bar{a}чин]_{DP}]$ стоит в позиции аргумента. Во-вторых, именная структура в качестве обстоятельства (примеры (12a—в)) с типологической точки зрения приемлема, ср. причастные обороты в этой функции, пример (17), см. [Рудницкая 2018]²⁶. В-третьих, хотя мы подробно не рассматриваем формальное представление несобственно-посессивной конструкции (случай 3, примеры (13a—в)), сочетание $[NP_{NEG.EX} + \bar{a}чин] = SC_i$ в этой конструкции, вероятно, могло бы обладать структурой (19), похожей на (16), только с номинализацией SC_i (14).

- (17) *[halgan-mi moŋnokot-š'ə-nə kapu-t-na-duki-w] Kamisəvali*
нога-RFL баловаться-IPFV-CV.B.SIM сломать-DUR-PTCP.PF-ABL-PS.1SG комиссовали
'Из-за того, что я ногу, балуюсь, сломал, комиссовали'. [Малые языки]

²² Признак $[NOM]$ у T мы не рассматриваем, поскольку он становится нерелевантным, присвоившись подлежащему *nuŋa-r-tin* (нуңа-р-тын).

²³ Замечание анонимного рецензента.

²⁴ Предложение анонимного рецензента. Ср. причастную клаузу (i):

- (i) *dōldī-rə-Ø [əntil-tin jōkə-d'ə-rī-l-wə]*
слышать-NFUT-3PL родители.PL-PS.3PL кричать-IPFV-PTCP.SIM-PL-ACC
{Они} 'слышали, как кричали их родители'. [Малые языки]

²⁵ Ср. FP — проекцию, доминирующую над малой клаузой, в работе [den Dikken 1995: 25—27].

²⁶ Важное различие между, с одной стороны, (17) и примерами с несобственно посессивной конструкцией (13a—в), а с другой стороны, примерами (12a—в) — в том, что у *āчин* может быть именная падежная и посессивная флексия в (17), в (8a—б) и в (13a—в), но не в (12a—в). С формальной точки зрения это можно объяснить тем, что в (12a—в) *āчин* — это NP без таких функциональных проекций, как KP и $PossP$ (см. схему (18)): при субстантивации группы $[_{VP} NP_{NEG.EX} [PART] + \bar{a}чин]$ именные функциональные проекции, присущие стандартному эвенкийскому имени, не достраиваются, в отличие от причастной клаузы. В (8a—б) и (13a—в) же у *āчин* есть падежная и посессивная проекция, как и у причастной клаузы. Невозможность признаков падежа и посессивности $[-CASE, -PS]$ у *āчин* в более современной модели (12a—в) следует расценивать как категориальную ущербность. Эту проблему лучше всего трактовать как диахроническую: *āчин* постепенно теряет именные свойства (категории падежа, посессивности), не приобретая глагольные свойства. Такую эволюцию можно рассматривать как первый этап грамматикизации, конечным продуктом которой должна стать неизменяемая предикативная частица *āчин*, ср. такой термин в применении к *āчин* в работе [Болдырев 2007: 378].

(18)

(19)

В заключение заметим, что мы не рассматриваем примеры с партитивным подлежащим $NP_{NEG.EX}$ вместо номинативного и сказуемым *āчин* (ср. примеры (4а—е) и примеры (20а—б)). Примеры типа (20а—б) среди текстов XXI века встречаются только в корпусе [Малые языки] (крайне редко) и не встречаются в более ранних текстах. Поскольку в эвенкийском языке подлежащее не может стоять в партитивном падеже (кроме таких контекстов с *āчин*, как (20а—б)), мы полагаем, что (20а—б) — калька с русских примеров с генитивом отрицания типа *Его не было на концерте, Этой больницы больше нет, ее разбомбили*²⁷.

²⁷ Если рассматривать предложенный нами выше анализ конструкции, $NP_{NEG.EX}$ в партитиве может встретиться только в конструкции, где вся группа $[NP_{NEG.EX}[PART] + āчин]$ — это предикативная группа (схема (16)). Если же предложение строится по схемам (14)—(15), как в примерах (4а—е), $NP_{NEG.EX}$ стоит в номинативе. Предложения типа (20) предполагают, что *āчин* присваивает $NP_{NEG.EX}$ партитив (как в (16)), но потом $NP_{NEG.EX}$ может переместиться в SpecTP (по схеме (15)) и там получить еще один падеж (номинатив) от вершины T. Наличие двух падежей у одного имени противоречит падежному фильтру (согласно которому каждой полноценной именной группе (DP) должен быть присвоен ровно один падеж), а также данным эвенкийского языка: в эвенкийском языке группы с двойным падежным маркированием отсутствуют — в отличие от некоторых других языков, например корейского, которые нужно анализировать отдельно.

- (20) а. *d'u-l-ə* *užə ač'i-r*
 дом.чум-PL-PART уже NEG.EX-PL
 'Чумов уже нет'. [Малые языки]

- б. *ast-jə* *āč'in* *bi-čə-n.*
 жена-PART NEG.EX-PL быть-PST-3SG
 'Жены не было'. [Малые языки]

4. Выводы

Были проанализированы случаи с номинативным подлежащим и партитивным дополнением в конструкции с *āchin*. В обоих случаях *āchin* — это предикат субъектно-предикатной конструкции, присваивающий своему внутреннему аргументу (имени NP_{NEG.EX}, обозначающему несуществующий, не имеющий обладателя или отсутствующий объект) семантическую роль темы. При номинативном подлежащем NP_{NEG.EX} (только в финитном предложении) номинатив присваивается этому подлежащему вершиной Т. Если конструкция с *āchin* выступает в адъективном употреблении, она представлена предикативной составляющей нефинитной составляющей [NP [PART] + *āchin*], а подлежащим обычно является посессор. В обоих случаях конструкция с *āchin* — это малая клауза SC, в ней признак финитности невозможен (группы AgrP и TP отсутствуют). Партитив в данном случае является не структурным, а лексическим падежом и присваивается NP_{NEG.EX}-дополнению самим *āchin* (вместе со вспомогательной глагольной вершиной V_F). Адвербиальная конструкция в письменном языке употребляется как несобственно посессивная с именной вершиной *āchin*. Некоторые данные корпусов (примеры с партитивным NP_{NEG.EX}-подлежащим или атрибутивными употреблениями группы [NP [PART] + *āchin*] без модифицируемого имени в качестве номинализованного модификатора) рассматриваются нами как недавние кальки с русского языка, и поэтому их формальный анализ не проводится.

Сокращения

Общие

диал. — диалектное

рус. — русский (язык)

эвенк. — эвенкийский (язык)

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо
 ABL — аблатив
 ACC — аккузатив
 ADLZ — показатель адвербиализации
 ANT — (причастие) предшествования
 ATR — атрибутив
 CAUS — каузатив
 COND — (конверб) условия
 CVB — конверб (деепричастие)
 DAT — датив
 DISTR — дистрибутив
 DS — разносубъектный
 DUR — дуратив
 EX — экзистенциальный
 EXCL — эксклюзивное (множественное число)
 FEM — женский (род)
 FOC — энклитика (частица), маркирующая фокус или коммуникативное выделение
 FUT — будущее (время)
 FUTCNT — непосредственно будущее (время)
 HAB — хабитуальное (причастие)
 INCH — инхоатив
 INDEF — неопределенный
 INDPS — косвенная принадлежность

INST — инструменталис
 INTS — интенсив
 MASC — мужской (род)
 NEG — отрицание
 NFUT — небудущее (время)
 NMLZ — показатель номинализации
 NOM — номинатив
 NOUN — существительное
 OBL — косвенная (основа)
 PART — партитив
 PF — перфектное (причастие)
 PL — множественное число
 POST — (причастие) возможности
 PROPR — косвенный посессор
 PS — посессивный (аффикс)
 PST — прошедшее (время)
 PSTITER — прошедшее итеративное (время)
 PTCP — причастие
 PURP — (конверб) цели
 RFL — рефлексив
 SG — единственное число
 SIM — (причастие) одновременности
 SLIP — оговорка
 TEMP — темпоральный (атрибутив)
 TRANS — транзитивизатор

Источники

КИЭА РАН — Корпусы Института этнографии и антропологии РАН // <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php>, 2014.

Малые языки — Малые языки Сибири: наше культурное наследие // <http://minlang.srcc.msu.ru/http://gisly.net/corpus/>, 2021.

Литература

Болдырев 1994 — Болдырев Б. В. Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск, 1994. {*Boldyrev B. V. The Russian-Evenki dictionary. Novosibirsk, 1994.*}

Болдырев 2000a — Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Ч. 1. Новосибирск, 2000. {*Boldyrev B. V. The Evenki-Russian dictionary. Vol. 1. Novosibirsk, 2000.*}

Болдырев 2000b — Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Ч. 2. Новосибирск, 2000. {*Boldyrev B. V. The Evenki-Russian dictionary. Vol. 2. Novosibirsk, 2000.*}

Болдырев 2007 — Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка / Ред. В. А. Роббек. Новосибирск, 2007. {*Boldyrev B. V. Evenki morphology / Ed. V. A. Robbek. Novosibirsk, 2007.*}

Василевич 1940 — Василевич Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940. {*Vasilevich G. M. Essays on Evenki (Tungus) grammar. Leningrad, 1940.*}

Василевич 1948 — Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948. {*Vasilevich G. M. Essays on Evenki (Tungus) dialects. Leningrad, 1948.*}

Василевич 1966 — Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М.—Л., 1966. {*Vasilevich G. M. Historical folklore of Evenki. Legends and traditions. Moscow — Leningrad, 1966.*}

Горцевская 1941 — Горцевская В. А. Формы отрицания в эвенкийском языке / Ред. В. И. Цинциус. Л., 1941. {*Gortsevskaya V. A. Forms of negation in Evenki / Ed. V. I. Tsintsius. Leningrad, 1941.*}

Гращенков 2019 — Гращенков П. В. Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности. М., 2019. {*Grashchenkov P. V. The grammar of adjectives. The typology of adjectivity and attributivity. Moscow, 2019.*}

Клячко, в печати — Клячко Е. Л. Диалектные особенности публикуемых текстов. Предисловие к сборнику // О. А. Казакевич, Е. М. Будянская, Ю. Е. Галямина, Е. Л. Клячко, Н. К. Митрофанова. История страны в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков (в печати). {*Klyachko E. L. Dialectal features of the published texts. Preface // O. A. Kazakevich, E. M. Budyanskaya, Yu. E. Galyamina, E. L. Klyachko, N. K. Mitrofanova. The history of our country in the stories of Kets, Selkup and Evenki (to appear).*}

Колесникова 1966 — Колесникова В. Д. Синтаксис эвенкийского языка. М., 1966. {*Kolesnikova V. D. The syntax of Evenki. Moscow, 1966.*}

Константинова 1964 — Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М., 1964. {*Konstantinova O. A. The Evenki language. Phonetics. Morphology. Moscow, 1964.*}

Ландер 2008 — Ландер Ю. А. Причастные конструкции или некатегориальное подчинение? // Ред. М. А. Алексеев, Т. А. Майсак, Д. С. Ганенков, Ю. А. Ландер. Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М., 2008. С. 54—95. {*Lander Yu. A. Participle constructions or non-categorical subordination? // Eds. M. A. Alekseev, T. A. Maysak, D. S. Ganenkov, Yu. A. Lander. The Udi volume: grammar, lexicon, diachronic studies. Moscow, 2008. P. 54—95.*}

Лютикова 2016 — Лютикова Е. А. Синтаксис именной группы в безартиклевом языке. Дисс. ... д. филол. наук. В 2 т. М., 2016. {*Lyutikova E. A. The syntax of the noun phrase in an articleless language. PhD Thesis. 2 volumes. Moscow, 2016.*}

Оскольская 2020 — Оскольская С. А. Каритив в нанайском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020, 1 (27). С. 32—43. {*Oskolskaya S. A. Caritive in Nanai // The Tomsk journal of linguistic and anthropology research. 2020, 1 (27). P. 32—43.*}

Оскольская и др. 2020 — Оскольская С. А., Заика Н. М., Клименко С. Б., Федотов М. Л. Определение каритива как сравнительного понятия // Вопросы языкознания. 2020, 3. С. 7—25. [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/vopjaz/s0373658x0009370-6-1> (дата обращения: 23.01.2021). {*Oskolskaya S. A., Zaika N. M., Klimenko S. B., Fedotov M. L. The definition of the caritive as a comparative concept // Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language). 2020, 3. P. 7—25.*}

Рудницкая 2018 — Рудницкая Е. Л. Особенности причастий в современном эвенкийском устном языке (по корпусу рассказов 2005—2011 гг.) // Rhema. Рема. 2018, 3. С. 49—68. {*Rudnitskaya E. L. Special features of participles in modern oral Evenki (based on the corpus of oral stories from 2005—2011) // Rhema. ReMa. 2018, 3. P. 49—68.*}

Рудницкая 2019 — Рудницкая Е. Л. Общая характеристика морфосинтаксиса устного эвенкийского языка начала XXI века. СПб., 2019. {*Rudnitskaya E. L. Issues in morphosyntax of the oral Evenki from the beginning of the 21st century. Saint-Petersburg, 2019.*}

- Abney 1987 — *Abney S.* The English Noun-Phrase in its Sentential Aspect. PhD Thesis. Cambridge (Mass.), MIT, 1987.
- Bulatova, Grenoble 1999 — *Bulatova N., Grenoble, L.* Evenki (Languages of the world / Material 141). München, 1999.
- Cinque 1990 — *Cinque G.* Ergative adjectives and the lexicalist hypothesis // *Natural language and linguistics theory*. 1990, 8, 1. P. 1—39.
- Cinque 2010 — *Cinque G.* The Syntax of Adjectives. A Comparative Study. Cambridge — London, 2010.
- Den Dikken 1995 — *den Dikken M.* Particles: On the Syntax of Verb-Particle, Triadic and Causative Constructions. Oxford, 1995.
- Göksel 2013 — *Göksel A.* Flexible word order and anchors of the clause // *SOAS Working Papers in Linguistics*. 2013, 16. P. 3—25.
- Harves, Kayne 2012 — *Harves S., Kayne R. S.* Having ‘Need’ and Needing ‘Have’ // *Linguistic Inquiry*. 2012, 43, 1. P. 120—132.
- Haspelmath 2021 — *Haspelmath M.* Word-class universals and language-particular analysis. Ms. Leipzig, 2021.
- Kiparsky 2001 — *Kiparsky P.* Structural Case in Finnish // *Lingua*. 2001, 11, 4—7. P. 315—373.
- Kiss 2008 — *Kiss K. É.* Free word order, (non)configurationality, and phases // *Linguistic Inquiry*, 2008. 39, 3. P. 441—475.
- Klyachko (to appear) — *Klyachko E. L.* Functions of placeholder words in Evenki. To appear.
- Matushansky 2020 — *Matushansky O.* Missing types. Talk presented at the Conference “Caritive constructions in the languages of the world”, ILS RAS, Saint-Petersburg, online, 31.11.2020 — 02.12.2020.
- Nedjalkov 1994 — *Nedjalkov I.* Evenki // *Typological studies in negation* / Eds. *P. Kahren, R. van der Berg*. Philadelphia — Amsterdam, 1994. P. 1—34.
- Nedjalkov 1997 — *Nedjalkov I.* Evenki. London — New York, 1997.
- Partee, Borschev 2002 — *Partee B. H., Borschev V.* Genitive of negation and scope of negation in Russian existential sentences // *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Second Ann Arbor Meeting 2001 (FASL 10)* / Ed. *J. Toman*. Ann Arbor, MI, 2002. P. 181—200.
- Polinsky 2015 — *Polinsky M.* Tsez syntax. Ms. Harvard, 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://scholar.harvard.edu/files/mpolinsky/files/polinsky-5-tsezsyntax-a.5_2.pdf (дата обращения: 11.05.2020).
- Rijkhoff, van Lier 2013 — *Rijkhoff J., van Lier E.* Flexible word classes in typology and grammatical theory // *Flexible word classes: Typological studies of underspecified parts of speech* / Eds. *J. Rijkhoff, E. van Lier*. New York, 2013. P. 1—30.
- Veselinova 2013 — *Veselinova L.* Negative existentials: a cross-linguistic study // *Rivista di Linguistica*. 2013, 25, 1. P. 107—145.
- Wagner-Nagy 2011 — *Wagner-Nagy B.* On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages. Helsinki, 2011.